
pocket**book**

rocket**book**

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Октябрьская страна

Москва
2019

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury
THE OCTOBER COUNTRY
Copyright © 1955 by Ray Bradbury

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление *Андрея Саукова*

Оригинал-макет подготовлен издательским домом «Домино»

Брэдбери, Рэй.
Б89 Октябрьская страна : перевод с английского /
Рэй Брэдбери. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-101100-0

Еще девятнадцать историй от великого мастера.

В предисловии к сборнику Рэй Брэдбери немного приоткрывает дверь на свою писательскую кухню. Загляните в щелочку — и узнаете верный рецепт, как написать гениальный рассказ о старушке, которая не пожелала умирать, или о странном постояльце со второго этажа, предпочитавшем работать по ночам. Правда, для этого нужно родиться всего лишь Рэем Брэдбери.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-101100-0

- © Н. Алдуван, перевод на русский язык, 2019
- © Т. Жданова, перевод на русский язык, 2019
- © М. Воронежская, перевод на русский язык, 2019
- © С. Трофимов, перевод на русский язык, 2019
- © С. Анисимов, перевод на русский язык, 2019
- © А. Оганян, перевод на русский язык, 2019
- © В. Чарный, перевод на русский язык, 2019
- © Л. Жданов, перевод на русский язык.
Наследники, 2019
- © М. Пчелинцев, перевод на русский язык.
Наследники, 2019
- © Р. Облонская, перевод на русский язык.
Наследники, 2019
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ УМЕРЕТЬ ПРЕЖДЕ МОИХ ГОЛОСОВ

Вы спросите: ну и как следует понимать этот дурацкий заголовок?

А вот как. С тех пор как мне исполнилось то ли двадцать два, то ли двадцать три, каждое утро, спозаранку, в моей голове раздаются голоса. Я так и зову их: «Театр утренних голосов». Оставаясь в постели, я лежу и слушаю, как они переговариваются в эхокамере между моих ушей. Рано или поздно они становятся очень громкими — спорят, или страстно декламируют, или состязаются в остроте с кончиком рапиры. Тогда я вскакиваю (тихонько) и сажусь за пишущую машинку, пока в моей голове еще звучит эхо. И к полудню у меня уже бывает готов рассказ, или стихотворение, или акт пьесы, или глава романа.

Но так было не всегда.

Я начал писать в двенадцать лет. В то время я обожал такие книги, как «Тарзан» Эдгара Райса Берроуза, «Волшебник» Фрэнка Баума, «Капитан Немо» Жюль Верна, и всячески старался создать нечто подобное. Если утренние голоса и пытались тогда до меня докричаться, я их не слышал.

Таким образом, первые десять лет своего писательства я производил на свет совершеннейшую беллиберду, которая если и заслуживает упоминания, то только как свидетельство моих безнадежных попыток стать тем, кем мне быть не дано. Подражательство

занимало все мои мысли, и подлинная муза творца, живущего во мне, не имела шансов поднять свою прелестьную головку.

Иначе говоря, за моим продолговатым мозгом находились неведомые земли, куда я ни разу не забредал в своих странствиях. Неведомой землей Шекспира была Смерть собственной персоной. Моя же неоткрытая страна (как выяснилось позже, когда я все-таки набросал ее карту по подсказкам голосов) скрывала в себе идеи, представления, понятия и причудливые образы, причем свои, оригинальные, каких не найдешь у Берроуза, Баума или Верна. И мне пришлось отучить себя делать из кумиров образцы для подражания и, продолжая любить их, перестать строить из себя Джона Картера, Тик-Тока или безумного капитана «Наутилуса».

Первый прорыв я совершил, еще когда учился в средней школе. Мне вспомнилось одно мрачное место в моем родном городке, и я написал рассказ под названием «Овраг», наполненный ощущением ужаса и затаившейся поблизости смерти. По молодости лет я не понял, что впервые создал собственное полноценное произведение, что мои нервные окончания и ганглии породили нечто свежее. Я спрятал рассказ в стол и вернулся на дорогу, ведущую в страну Оз и Барсум. Чем и отдалил лет на пять-шесть тот день, когда мне предстояло стать самим собой.

Талант начал просыпаться во мне благодаря одной из нелепейших случайностей в мире. Когда мне было двадцать два, я стал составлять списки существительных — так я пытался расшевелить свое подсознание и что-нибудь из него выудить. Ничего не получалось, пока однажды, сидя в жаркий полдень на солнцепеке с портативной пишущей машинкой, я не напечатал одно слово: «Озеро». Мне сразу вспомнилось лето, когда мне было семь лет. Белокурая девчушка, с которой мы строили замок из песка, забежала в озеро и

не вернулась. Смерть и вода, вода и смерть... Как загадочно, как интригующе!

И, не теряя времени, я принялся вспоминать этот день, стуча по клавишам машинки. К вечеру рассказ «Озеро» был готов, а мои щеки — мокры от слез. С тех пор, после многих лет бездарных блужданий в потемках, я обращаю взор внутрь себя, ловлю все оригинальное, что обнаружится в моей голове, и припиливаю к бумаге. «Озеро» вышло несколько месяцев спустя в «Страшных историях» («Weird tales») и позже десятки раз переиздавалось в различных сборниках.

С того дня я начал интересоваться, что творится в моем мозгу — в его левом, правом, а то и вовсе каком-нибудь потустороннем полушарии. Я обнаружил, что для этого полезно перечитывать списки моих любимых имен существительных — хотя я не могу объяснить, чем эти слова так мне понравились. Стоит мне заглянуть в такой список, как на ум начинают приходиться воспоминания или необычные метафоры. Один из моих ранних перечней выглядел примерно так.

Ночь
Чердак
Овраг
Одуванчики
Свистки ночного поезда
Теннисные туфли
Веранды
Карусели
Приезд цирка на рассвете

Потом, спустя много месяцев и лет, я брал эти слова, вертел их так и этак, шлифовал в мастерской позади глаз и ждал, когда предрассветные голоса обле-

кут их в форму, возвысят их и отведут меня к моему «ундервуду».

Вскоре я понял, что, хотя в двенадцать, шестнадцать, восемнадцать и даже двадцать лет моей мечтой было писать научную фантастику, я, к счастью это или нет, являюсь внебрачным сыном Призрака Оперы, Дракулы и летучей мыши. Я вышел из дома Эшеров, мои тетушки и дядюшки ведут свой род от По. В течение следующих нескольких лет я написал большинство рассказов «Октябрьской страны» и продал их в «Страшные истории» по полцента или пени за слово. При этом я решительно пропускал мимо ушей все предостережения редакторов, что мои рассказы не очень-то соответствуют представлению о страшных историях или историях о привидениях. Не мог бы я писать что-нибудь более, э-э, традиционное?

Я не мог и отправил им «Скелет» и «Толпу».

На «Скелет» я наткнулся благодаря своему семейному врачу. Я пожаловался ему на странные боли в горле, а он сказал: «Это совершенно нормально. Просто вы прежде никогда не обращали внимания на то, что происходит с тканями, мышцами и сухожилиями вашей шеи, да если уж на то пошло, то и всего тела. Взять хотя бы *medulla oblongata*, продолговатый мозг... »

Medulla oblongata! Язык сломаешь! Я отправился домой, ощущая каждую свою кость: коленные чашечки, ребра, которые поднимались и опускались при дыхании, локти, все эти тайные готические символы тьмы, — и написал «Скелет». С тех пор он не теряет популярности.

Примерно в то же самое время предрассветные голоса обернулись ночными кошмарами: мне вспомнилась автокатастрофа, которая произошла у меня на глазах, когда мне было пятнадцать лет. Пять человек тогда разорвало на куски. За несколько мгновений на месте катастрофы собралась толпа, люди словно

из-под земли выросли. Несчастье произошло у ворот местного кладбища. Я подумал: «А что, если...» — и написал «Толпу».

Несколько лет подряд мои рассказы, рожденные благодаря чистым озарениям, появлялись почти в каждом номере «Страшных историй». Работая над ними, я подходил к пониманию того, как буду писать научную фантастику, если осмелюсь посягнуть на этот жанр. В результате появились, разумеется, «Марсианские хроники», в которых лишь пять процентов научной фантастики, а остальные девяносто пять — фэнтези. Борцы за чистоту жанра до сих пор попрекают меня — как я посмел придать безвоздушному Марсу атмосферу только ради того, чтобы мои чудачковатые герои могли спокойно разгуливать и дышать без всяких чертовых скафандров.

Появлением «Дня возвращения» я обязан дому, который стоял по соседству с домом моих бабушки и дедушки. Когда я был маленьким, мы с тетей Невой накануне Хеллоуина ездили за город за охапками кукурузы и тыквами, чтобы украсить дом. Потом я забивался на чердак, преображался там в ведьму с восковым носом и бородавчатым подбородком и отправлялся пугать родственников и соседей. Члены семьи из «Дня возвращения» носят имена моих дядьев и теток. Дядю Эйнара я называл в честь любимого дядюшки, шведа по происхождению, который обожал громко петь. Я так любил его, что дал ему крылья и научил парить в небесах.

Наконец, «Следующий» был написан после того, как меня по глупости занесло в могильные катакомбы в мексиканском городке Гуанахуато. Я бродил между бесконечных штабелей высохших, как мумии, трупов мужчин, женщин и детей. Детские останки были примотаны проволокой к запястьям женщин. Всех этих мертвецов выселили из могил на кладбищах за неплату аренды. Побывав однажды в катакомбах, я об-

наружил, что сбежать из этого адского места практически невозможно. Мумии преследовали меня, пока я не захоронил их в «Следующем».

Так я и писал рассказ за рассказом, пока однажды не высунулся из раковины и не изобразил в своем лице то, о чем однажды сказал Джерард Мэнли Хопкинс: «Теперь я понял: то, что я делаю, и есть я». С той поры я только и делаю, что пытаюсь оставаться собой.

Первый раз «Октябрьская страна» увидела свет под названием «Темный карнавал». Рассказ, который дал сборнику это название, я не успел закончить вовремя, и в книгу он не вошел. Он ждал своего часа, обрастая полночными часами и похоронными процессиями, и в конце концов превратился в роман «Надвигается беда», опубликованный в 1962 году.

А это после долгих странствий возвращает нас к заглавию данного предисловия: «Позвольте мне умереть прежде моих голосов». Голоса звучат по сей день, и я все так же прислушиваюсь к ним и следую их безумным советам. Если когда-нибудь, проснувшись на рассвете, я не услышу их, то пойму, что моя жизнь подошла к концу. Но если повезет, голоса будут раздаваться в моей голове до самого последнего дня и в свой последний день я буду по-прежнему счастлив.

КАРЛИК

Эйми отрешенно смотрела на небо. Тихая ночь была такой же жаркой, как и все это лето. Бетонный пирс опустел; гирлянды красных, белых и желтых лампочек светились над деревянным настилом сотней сказочных насекомых. Владельцы карнавальных аттракционов стояли у своих шатров и, словно оплавленные восковые фигуры, безмолвно и слепо разглядывали темноту.

Час назад на пирс пришли два посетителя. Эта единственная пара развлекалась теперь на «американских» горках и с воплями скатывалась в сиявшую огнями ночь, перелетая из одной бездны в другую.

Эйми медленно зашагала к берегу, перебирая пальцами несколько потертых деревянных колец, болтавшихся на ее руке. Она остановилась у билетной будки, за которой начинался «Зеркальный лабиринт». В трех зеркалах, стоявших у входа, мелькнуло ее печальное лицо. Тысячи усталых отражений зашевелились в глубине коридора, заполняя чистый и прохладный полумрак горячими конвульсиями жизни.

Она вошла внутрь и остановилась, задумчиво рассматривая тощую шею Ральфа Бэнгарта. Тот раскладывал пасьянс, покусывая желтыми зубами незажженную сигару. Веселая пара на «американских» горках вновь завопила, скатываясь вниз в очередную пропасть, и Эйми вспомнила, о чем хотела спросить.

— Интересно, что привлекает людей в этих взлетах и падениях?

Помолчав с полминуты, Ральф Бэнгарт вытащил сигару изо рта и с усмешкой ответил:

— Многим хочется умереть. «Американские» горки дают им почувствовать смерть.

Он прислушался к слабым винтовочным выстрелам, которые доносились из тира.

— Наш бизнес создан для идиотов и сумасшедших. Взять хотя бы моего карлика. Да ты его видела сотню раз. Он приходит сюда каждую ночь, платит десять центов, а потом тащится через весь лабиринт в комнату Чокнутого Луи. Если бы ты только знала, что он там вытворяет. О боже! На это действительно стоит посмотреть!

— Он такой несчастный, — ответила Эйми. — Наверное, тяжело быть маленьким и некрасивым. Мне его так жалко, Ральф.

— Я мог бы играть на нем, как на аккордеоне.

— Перестань. Над этим не шутят.

— Ладно, не дуйся. — Он игриво шлепнул ее ладонью по бедру. — Ты готова тревожиться даже о тех парнях, которых не знаешь. — Ральф покачал головой и тихо засмеялся. — Кстати, о его секрете. Он еще не в курсе, что я знаю о нем, понимаешь? Поэтому лучше не болтай, иначе парень может обидеться.

— Какая жаркая ночь.

Она нервно провела пальцами по деревянным кольцам на своей руке.

— Не меняй темы, Эйми. Он скоро придет. Ему даже дождь не помеха.

Она отступила на шаг, но Ральф ухватил ее за локоть.

— Чего ты боишься, глупенькая? Неужели тебе не интересно посмотреть на причуды карлика? Тихо, девочка! Кажется, это он.

Ральф повернулся к окну. Тонкая и маленькая волосатая рука положила на билетную полку монету в десять центов. Высокий детский голос попросил один билет, и Эйми, сама того не желая, пригнулась, чтобы посмотреть на странного посетителя.

Карлик бросил на нее испуганный взгляд. Этот черноглазый, темноволосый уродец напоминал человека, которого сунули в давящий пресс, отжали до блеклой кожуры, а потом набили ватой — складку за складкой, страдание за страданием, пока поруганная плоть не превратилась в бесформенную массу с распухшим лицом и широко раскрытыми глазами. И эти глаза, должно быть, не закрывались и в два, и в три, и в четыре часа ночи, несмотря на теплую постель и усталость тела.

Ральф надорвал желтый билет и лениво кивнул:
— Проходите.

Будто испугавшись приближавшейся бури, карлик торопливо поднял воротник черной куртки и вперевалку зашагал по коридору. Десять тысяч смущенных уродцев замелькали в зеркалах, как черные суетливые жуки.

— Быстрее!

Ральф потащил Эйми в темный проход за зеркалами. Она почувствовала его руки на своей талии, а потом перед ней возникла тонкая перегородка с маленьким отверстием для подглядывания.

— Смотри, смотри, — хихикал он. — Только не смейся громко.

Она нерешительно взглянула на него и прижала лицо к стене.

— Ты видишь его? — прошептал Ральф.

Эйми кивнула, стараясь унять гулкие удары сердца. Карлик стоял посреди небольшой голубой комнаты — стоял с закрытыми глазами, предвкушая особый для него момент. Он медленно приоткрыл веки и посмотрел на большое зеркало, ради которого приходил

сюда каждую ночь. Отражение заставило его улыбнуться. Он подмигнул ему и сделал несколько пируэтов, величаво поворачиваясь, пригибаясь и медленно пританцовывая.

Зеркало повторяло его движения, удлинняя тонкие руки и делая тело высоким, красивым и стройным. Оно повторяло счастливую улыбку и неуклюжий танец, который позже закончился низким поклоном.

— Каждую ночь одно и то же! — прошептал Ральф. — Забавно, правда?

Она обернулась и молча посмотрела на его тонкий, искривленный в усмешке рот. Не в силах противиться любопытству, Эйми тихо покачала головой и вновь прижалась лицом к перегородке. Она затаила дыхание, взглянула в отверстие, и на ее глазах появились слезы.

А Ральф толкал ее в бок и шептал:

— Что он там делает, этот маленький урод?

Через полчаса они сидели в билетной будке и пили кофе. Перед уходом карлик снял шляпу и направился было к окошку, но, увидев Эйми, смутился и зашагал прочь.

— Он что-то хотел сказать.

— Да. И я даже знаю, что именно, — лениво ответил Ральф, затушив сигару. — Парнишка застенчив, как ребенок. Однажды ночью он подошел ко мне и пропищал своим тонким голоском: «Могу поспорить, что эти зеркала очень дорогие». Я сразу смекнул, к чему он ведет, и ответил, что зеркала безумно дорогие. Коротышка думал, что у нас завяжется разговор. Но я больше ничего не сказал, и он отправился домой. А на следующую ночь этот придурок заявил: «Могу поспорить, что такие зеркала стоят по пятьдесят или даже по сто баксов». Представляешь? Я ответил, что так оно и есть, и продолжал раскладывать пасьянс...

— Ральф... — тихо сказала Эйми.

Он взглянул на нее и с удивлением спросил:

— Почему ты так на меня смотришь?

— Ральф, продай ему одно из своих запасных зеркал.

— Слушай, девочка, я же не учу тебя, как вести дела в твоём аттракционе с кольцами.

— А сколько стоят такие зеркала?

— Я достаю их через посредника за тридцать пять баксов.

— Почему же ты не скажешь этому парню, куда он может обратиться за покупкой?

— Эйми, тебе просто не хватает хитрости.

Ральф положил руку на ее колено, но она сердито отодвинулась.

— Даже если я назову ему адрес поставщика, он не станет покупать это зеркало. Ни за что на свете! Пойми, он застенчив, как дитя. Если парень узнает, что я видел его кривляние в комнате Чокнутого Луи, он больше сюда не придет. Ему кажется, что он, как и все другие, бродит по лабиринту и что зеркало не имеет для него никакого значения. Но это обычный самообман! Карлик появляется здесь только по ночам, когда поток посетителей убывает и он остается в комнате один. Бог его знает, чем он тешит себя в праздничные дни, когда у нас полным-полно народа. А ты подумай, как сложно ему купить такое зеркало. У него нет друзей, и даже если бы они были, он не осмелился бы просить их о подобной покупке. Чем меньше рост, тем больше гордость. Он ведь и со мной заговорил только потому, что я единственный, кто смыслит в кривых зеркалах. И потом, ты же видела его — он слишком беден, чтобы тратить на такие вещи. В нашем чертовом мире работу найти нелегко, особенно карлику. Наверное, живет на какое-то нищенское пособие, которого едва хватает на еду и парк аттракционов.